

Ольга Балла

Между чтением и перечитыванием: пересекая границы

КОНТЕКСТ: Журнал актуальных литературных практик. — № 1. — 2018.

Вообще-то на этот журнал как предмет разговора и размышлений вывела меня совсем небольшая книжечка Екатерины Деришевой «точка отсчета»¹. Принадлежащая перу одного из соредкторов московско-харьковского журнала «Контекст», она была принята мною сначала за приложение к нему. Такое приложение, пока полностью поэтическое, у «Контекста» действительно существует; в рамках его, начатого только в прошлом году, уже успело выйти целых шесть таких же, небольшого формата, книжечек, каждая — маленькая смысловая лаборатория: «Время земли» Галины Рымбу, «Тебя никогда не зацепит это движение» Дениса Ларионова, «Нейролирика» — сборник стихов, вышедших из-под электронного пера рекуррентной нейросети, два варианта сборника переводов из молодого украинского поэта Лесика Панасюка «Крики рук» — русский и двуязычный, и, наконец, уже в этом январе — первая полностью украинская книжка: «Як пробачити сніг» Артема Верле. Деришевская «точка отсчета» к этой серии, как оказалось, формально не принадлежит, — но очевидным образом растет из тех же корней, под влиянием тех же стимулов, что и проект в целом; вписана в общие с ним эстетические координаты. (Если совсем коротко, это — преодоление инерций: речевых, коммуникативных — всяких. Создание принципиально новых возможностей для смыслообразования.)

«Контекст» — это, конечно, проект, и журнал — лишь часть его, хотя и центральная, удерживающая в цельности все остальное — вещественное и невещественное.

Вещественное — это начатая серия книжечек-приложений (планируют выпускать по три-четыре в год, уже анонсированы сборники Яниса Синайко и Сергея Жадана), невещественное — порождающая все это предприятие идея. Точнее — две идеи, одна важнее другой.

Первая, заявленная на обложке издания — внимание к «актуальным литературным практикам». По идее, исключительно к ним.

«Текст, считываемый сходу, — гласит открывающее номер небольшое предисловие, — чаще всего не представляет ценности: если его можно понять до конца, он умирает». Оставляя в стороне ту очевидную мысль, согласно которой текст, особенно если он художественный, не поддается исчерпывающему прочтению в принципе, заметим, что, как уже видно из сказанного, авторы этого мини-манифеста, в который спрессована целая эстетическая, отчасти даже исследовательская программа,

¹ Именно с маленькой буквы, это принципиально.

соредакторы журнала Владимир Коркунов и Екатерина Деришева делают ставку на тексты, ломающие ожидания: с неочевидным устройством, со сложными смысловыми ходами, на как минимум неисхоженные — а лучше всего, даже еще не проложенные (ну, может быть, только намеченные) пути слова и мысли. Видят свою задачу в том, чтобы наметить точки будущего — или уже происходящего — роста.

«Для актуальной литературы <...> — говорят они далее, — существует только один критерий: новизна или обновление смысла, выстраивание новых коммуникаций — попытка сказать/сделать то, что не было сказано/сделано прежде, без оглядки на инертные представления о “качественном” тексте».

Но заостренность внимания на новейших литературных практиках тут, может быть, даже не самое главное — хотя, безусловно, это столь же ценно, сколь и редко (по совести сказать, мало кто умеет с этим обращаться). Действительно, на русскоязычном пространстве немногие издания прицельно занимаются именно новыми, проблематичными, возникающими на наших глазах практиками и формами, — из самых известных приходят на ум разве только «Носорог» с прозаической стороны и «Воздух» — со стороны поэтической.

Журнал — исключительно и принципиально литературный. То есть, он опять-таки укладывается в ту же не слишком заполненную нишу, что и «Воздух», и «Prosodia», и блаженной памяти «Арион», и «Носорог», — и уходит от классической модели «толстого» литературного журнала: никакой публицистики. Только словесность — а любая социальность и этика, присутствующие здесь на самом деле почти повсеместно, — не иначе как в облике эстетики. В эстетическом плане журнал явно тяготеет к «Воздуху», пожалуй, даже испытывает — по крайней мере, на этом, начальном этапе своего становления — известное его влияние, которое, впрочем, видится мне вполне благотворным. (Не говоря уж о том, что у них много общих авторов: Андрей Тавров, Илья Риссенберг, Дарья Суховей, Данила Давыдов, Серго Муштатов, Анна Грувер, Гали-Дана Зингер... да и сам соредактор журнала Владимир Коркунов.) Это влияние заметно, в частности, в структуре журнала: подобно старшему собрату, «Контекст» отводит большие пространства под рефлексию — монологическую в критике и диалогическую — в интервью и дискуссиях (в первом номере — интервью с лингвистом Борисом Ореховым, натренировавшим нейросеть писать лирику, и с поэтом и исследователем языка и медиа Евгенией Сусловой, а в качестве комментария к образцам «нейролирики» — весьма интригующее обсуждение перспектив поэтического творчества машин).

Тексты здесь — максимально разной степени радикальности: поэтическая ткань натянута между двумя далеко отстоящими друг от друга полюсами. Так, верлибры из феминистской подборки Анны Голубковой «Жертвы патриальной культуры» по степени прозрачности (иногда — почти до прямолинейности: «*эта маленькая девочка/ средних лет/ еще одна жертва/ патриархальной культуры*») настолько приближаются к прозаическому высказыванию, что чуть ли не совпадают с ним:

*он был огромным
этот цех камвольного комбината
куда нас пригнали на практику
в рамках школьного упк
тем кому повезло
досталась информатика
но так как никто не знал
что это такое
они всю практику сидели
в кабинете и склеивали
основу для пропусков...*

На другом полюсе охватываемого «Контекстом» эстетического поля — например, словесно-графические эксперименты Серго Муштатова:

сушища обла -ко -нец никогда не нас -тупит (у фильма) если выйти на середине
сеанса аукнется переправой: «думал ко -сплей для раскола
грецких орехов дверь

Посередине же — вполне общечеловеческие в своей отстраненной инаковости, сдержанной таинственности тексты, скажем, Хельги Олышванг:

*Комната больше комнаты,
вода больше стакана, ты —
тебя, но спокойно:
границы придумал проектировщик и стеклодув, фехтовальщик,
губы вылепил в губы целующий,
рошу придумали корни.*

В культуре есть два основополагающих типа практики, касающиеся не только текстов, но едва ли не всего, в частности, текстообразующих традиций: чтение (новоосвоение) и перечитывание (воспроизведение). В целом «Контекст» явно стремится принадлежать к числу изданий «читающего» типа (тогда как, скажем, недавно утраченный нами «Арион» тяготел к полюсу перечитывания).

Легко заметить, что внимание «Контекста» — по крайней мере, пока — резко смещено в сторону поэтических практик. Прозаических текстов в первом номере всего три (и занимают они в целом 12 страниц из 178), причем прозаический текст в ее традиционном смысле — сюжетный, с диалогами и вымышленными персонажами — только один: небольшой, на две страницы, отрывок из украинского романа Олега Коцарева «Люди в гніздах». Остальное — то, что в «Воздухе» называется «прозой на грани стиха» (и что своим присутствием здесь в очередной раз подтверждает родство двух изданий). Парадоксальная, псевдосюжетная, псевдонарративная микропроза Данилы Давыдова «Гарунову было двадцать» уже ощутимо царапает границы традиционного прозаического пространства («Шерсть воруют, зачем-то говорил Василий, такой, че возьмешь, исповедовал его, помню как щас, самерых же убил, а он шерсть воруют, шерсть воруют» — это текст «Исповедь I» целиком). А микроэссеистика Аллы Горбуновой, принадлежа, как и полагается эссеистике, особенно микро-, в равной мере пространствам прозаическому, прозаическому и философскому, располагается уже и вовсе за пределами этих границ, хотя еще и совсем рядом с ними.

Конечно, есть все основания ожидать, что в следующих выпусках журнала это соотношение в какой-то степени изменится; вообще же в нынешнем своем виде оно представляется естественным. И не только потому, что оба соредатора — поэты, но прежде всего потому, что из всех форм словесности именно поэзия особенно восприимчива к неочевидному и неосвоенному.

Самая же важная из образующих «Контекст» идей — в том, что это журнал межкультурный и (как минимум) двуязычный. В этом качестве он, кажется, единственный у нас сейчас вообще.

Создающийся одновременно в Харькове и Москве, выходящий в Харькове, он делает то, что в современной, не к ночи будь помянута, исторической ситуации почти невозможно — и тем еще более насущно: наговаривает общее русско-украинское литературное, языковое, смысловое пространство. В условиях, когда, кажется, все мыслимые силы работают на разрыв наших культур и народов, издатели и авторы «Контекста» создают возможности для взаимопонимания и взаимодействия, для простого чтения, наконец, русских и украинских текстов одним взглядом — что не может не способствовать расширению этого взгляда.

Не упраздняя межкультурных, меязыковых границ, прекрасно понимая их неупразднимость, они делают эти границы проницаемыми, постоянно пробивая в них бреши, пересекая их в обе стороны.